

музыкальное образование

Бодина Елена Андреевна,
доктор педагогических наук,
профессор, зав. кафедрой истории и теории музыки
и музыкального образования ГБОУ ВПО МГПУ, Москва
bodinae@mail.ru

Роль музыки в формировании социально определенного типа личности

Цель настоящей статьи – проанализировать роль музыки, условия и механизмы ее воздействия на формирование социально определенного типа личности. В специальной литературе существуют два подхода к его определению. Первый исходит из специфики социализации как присвоения индивидом общественно-исторического опыта человечества и приспособления к существующему социуму. При этом под социальным типом подразумевается не только группа людей, обладающих характерными свойствами, но и способы осуществления различных видов деятельности, а также механизмы «сцепления» людей в единое целое. Второй подход исходит из общечеловеческих ценностей и их воплощения в типах личностных трагедий и соответствующих типах личностей, таких как Прометей, Гамлет, Дон-Кихот, Фауст, Онегин, Печорин, Раскольников и т. д.

Наиболее существенное отличие в данных двух толкованиях социального типа заключается в следующем. В первом из них типизация трактуется как объективный процесс, проявляющийся в организации сознания и поведения людей, то есть воспринимающих искусство слушателей, зрителей. Во втором – в содержании художественных образов искусства – в этом смысле характерна ссылка на примеры из литературы, отличающиеся специфической словесной формой выражения в отличие от музыки или изобразительного искусства.

Думается, что приоритетное значение для предмета наших рассуждений имеет всё же первое. Именно оно позволяет рассмотреть сложные социокультурные процессы во взаимосвязи с особенностями развития педагогической научно-практической мысли. Результатом этой взаимосвязи является глубокая обусловленность типов личности различными общественно-историческими типами воспитания (Л. Ю. Гордин).

Социально определенный тип – гибкое, динамичное понятие. Оно отражает важнейшие социокультурные, идеологические, социально-психологические и педагогические установки каждой из эпох, воплощает в себе социально значимый идеал времени. Социально определенный тип имеет, с одной стороны, константную (инвариантную) содержательную характеристику – ее составляют общечеловеческие ценности, а с другой – вариативную социально-историческую характеристику.

Основным показателем, определяющим социальный тип личности, является ее отношение к культуре. В контексте этого отношения музыка играет роль могучего социально организующего, обобществляющего жизненного импульса, концентрирующего чувства и мысли людей (Б. В. Асафьев). В этой связи подчеркнем взаимосвязь нравственного и социального развития личности. Эта взаимосвязь определяется значением нравственных оценок и критериев в процессе социального развития личности. Нравственность фактически становится тем «мостиком», посредством которого свойства социальной макросреды трансформируются в свойства социальной микросреды, а затем – в индивидуальные свойства личности.

В процессе такой трансформации возможны различные пути социальной интернализации личности: формирование модальной личности, в структуре которой преобладают типичные, отобранные ее референтной группой черты и свойства, а также формирование социального типа личности, располагающей «степенями свободы» для выработки и проявления своего, индивидуального отношения к групповым шаблонам норм, ориентаций, оценок.

В истории культуры сформировались два основных способа освоения личностью моральных общественных норм, а именно: рациональное осознание, стимулируемое извне, и интернализация, являющаяся результатом внутренней установки личности. Эти способы проявились как в филогенезе, так и в онтогенезе развития человеческой личности. В филогенезе они нашли отражение в типологических особенностях различных культур – например, в культурах «страха», «стыда» и «вины». Они характеризуют последовательные этапы исторического развития (речь идет о первобытной эпохе, античности и средневековье), в ходе которого социальное поведение становится осознанным и индивидуальным.

Различным типам культур соответствуют не только различные регулятивные механизмы социально-исторической эволюции личности, но и важнейшие факторы ее онтогенеза. Они определяют, в частности, три уровня модального сознания личности: доморальный уровень, характерный для ребенка, руководствующегося своими эгоистическими побуждениями и ориентирующегося на поощрение либо наказание

(«страх»); уровень конвенциональной морали, для которого характерной является ориентация на заданные извне нормы и требования («стыд»); уровень автономной морали – ориентация на интернализованную внутреннюю систему принципов, а именно совесть, чувство «вины» за несовершенство и несправедливость общественного устройства, негативные качества личности – свои и других людей.

Таким образом, между нравственным и социальным развитием личности существует постоянная и динамичная взаимосвязь. Характер нравственности определяет характер личности, ее социальное своеобразие. Доказательством этого являются механизмы популяризации, регламентации и запрета, проявляющиеся в избирательности нравственных норм в соответствии с целями и установками социума. Следовательно, социальная определенность личности означает не только определенность ее нравственного, духовного мира, но и своеобразие способов его формирования.

Укажем на основной, наиболее универсальный критерий, определяющий социальный тип личности. Это отношение личности к культуре. «Культура складывается из господства разума над силами природы и господства разума над человеческими убеждениями и помыслами». При этом господство разума над силами природы становится основой материального прогресса, а господство разума над человеческими убеждениями – основой духовного прогресса общества [3, с. 51–52].

Идеи выдающегося гуманиста и просветителя XX в. А. Швейцера приобретают в современных условиях огромную актуальность. Прежде всего, в силу направленности на духовное совершенствование человека, его личность, которая развивается в условиях масштабной глобализации и технократизации жизни. Вот почему создание не только научного, но и нравственно полноценного мировоззрения становится актуальной общечеловеческой задачей современности, по А. Швейцеру – «великой задачей духа».

Из сказанного следует, что формирование социально определенного типа личности есть обобщенный результат освоения и развития материальной и духовной культуры человечества в целях социального и духовного прогресса человеческой личности. В связи с этим напомним, что критерий прогрессивности культуры заключается, по мнению В. В. Медушевского, в соответствии ее духовного содержания логике социального развития, потребностям общества. Этот же автор называет новые черты взаимодействия личности с культурой, в частности художественной: это усилившаяся диалогичность, полифоничность восприятия, стереоскопическое видение отдельных произведений искусства в свете целого (культуры) и части – сфер культуры.

Рассмотрим подробнее взаимосвязь нравственно-воспитательного воздействия музыки с формированием социально определенного типа личности, в частности развитием

самосознания человека. Прежде всего, примем во внимание тот факт, что наиболее глубокие и последовательные исследователи сущности музыкального искусства (Б. Асафьев, А. Лосев, Л. Мазель, В. Медушевский, Е. Назайкинский, А. Сохор, А. Швейцер, В. Школяр и др.) отмечают особую логику музыкального искусства, выражающую его сущность. Аргументация этого факта выглядит достаточно разнопланово. Так, Е. Назайкинский видит сущность музыки в том, что она естественно тяготеет к сфере лирики и в сравнении с другими искусствами обладает уникальными способностями к передаче эмоционального содержания духовного мира человека, к запечатлению разнообразнейших психических состояний. А. Швейцер акцентирует внимание на том, что «искусство в себе – не живопись, не поэзия, не музыка, но творчество, в котором они все объединились. Что же касается специфики музыки, то А. Швейцер все же говорит об особой логике и своеобразном языке звуков, отмечая наряду с этим, что «музыкальная сущность» может проявиться в любом творчестве. Обобщенное философское понимание музыки как формы бытия, «всеобще-нераздельного и слитно-взаимопроникновенного самопротивоборства» сформулировал А. Ф. Лосев.

На наш взгляд, сущность музыкальности как универсального качества эмоционально-чувственного отражения действительности заключается в противоборствующем единстве, выраженном в звукосочетаниях, движение которых динамично и организовано формой во времени и пространстве. Подчеркнем, что характерной чертой музыкальности как существеннейшего свойства человеческой психики является ее положительная эстетическая направленность.

Важной психолого-педагогической основой реализации педагогического потенциала музыки является ее художественная иносказательность. Данные социально-психологических исследований свидетельствуют о необходимости «избегать категорических утверждений», «предлагать», а не «навязывать» как наиболее эффективным способе воздействия на общественное сознание. В силу своей специфики музыка как раз и является тем средством, которое не поучает и не навязывает духовно-нравственные истины, а в художественно-иносказательной форме «предлагает» слушателю модели эмоционально-чувственного взаимодействия с окружающим миром и людьми, вовлекает слушателя в диалог сознаний.

Характерной особенностью диалогического взаимодействия музыки и слушателя является то, что в музыке больше, чем в других искусствах, человек внимает не столько героям, конкретным персонажам произведения, сколько самому автору-композитору, его художественному герою либо художественному «я». Такой способ воздействия пробуждает две способности слушателя: первая заключается в стремлении подражать

чувственному опыту автора (героя), уподобляясь ему, вторая – в проявлении собственного, творческого отношения к воспринятому.

Подчеркнем, что строение музыкальной формы (например, формы сонатного аллегро) чаще всего отражает противоборствующие силы – это и есть важнейшая духовная подоплека музыкального содержания. Она, в свою очередь, универсальна и актуальна для искусства всех времен и стилей. Суть такого противоборства – в борении человеческого духа, стремящегося к познанию истины своего бытия и творчески самореализующегося. Причем уровни противоборства в их специфически-музыкальном воплощении могут быть различными, поскольку даже в простом мелодическом движении есть некое противоборство, а точнее – противоборствующее единство. Оно выражается как в сочетании различных по высоте, длительности, тембру и т. д. звуков, так и в сочетании разнохарактерных эмоциональных состояний, художественных образов, крупных структурных построений, развитие которых воплощает образную аналогию объективных процессов жизни, в том числе ее психических форм. Противоборствующее единство есть универсальный принцип звуковой организации музыкального содержания в его направленности от композитора к слушателю.

Этот же принцип определяет целостность воспитательного влияния музыки на слушателя. Результатом такого влияния должно быть не что иное, как самоосмысление человека в контексте свойственных ему жизненных ситуаций. В свою очередь самоосмысление человека под воздействием музыки является важным фактором социализации личности, формирования ее гуманистического мировоззрения, гуманизации личности в целом.

Рассмотрим педагогическую роль музыки в формировании социально определенного типа личности с точки зрения ее катарсического воздействия на слушателя. Подчеркнем, что катарсис – очищение – начинается с момента непосредственного соприкосновения с музыкой. Результатом его является как бы «стирание», «затуманивание» следов предшествующего эмоционально-слухового опыта, осознание его нового качества, обновление духовного мира в целом. В последующее время, по мере угасания инерции, предшествующий опыт проясняется снова. Однако в зависимости от глубины новых переживаний он проясняется видоизмененным, обогащенным, преобразившимся. Таким образом, за механизмом стирания следов проявляется механизм их восстановления в новом качестве. Механизм «восстановления следов» является важным средством целостности и преемственности воспитания личности под влиянием музыки.

Говоря о катарсической реакции слушателя, отметим, что в научной литературе определены две основные разновидности катарсиса – аполлинический и дионисийский. Они отличаются по результату проявления в человеческом сознании и поведении и свидетельствуют о реальных возможностях их изменения. Названные типы катарсиса ярко проявляются при восприятии музыки, отличающейся богатством и гармонией художественно-выразительных средств, затрагивающих ум и сердце человека (аполлинический катарсис) или же тогда, когда в музыкальном содержании доминируют какие-либо определенные – специально отобранные – средства, направленные на чувственное возбуждение человека, провоцирующие его бурную деятельностную активность (дионисийский катарсис).

С педагогической точки зрения наиболее существенной в этой связи оказывается оценочная деятельность сознания. Она обуславливает выбор человеком вариантов социально-психологического проявления личности и, наряду с этим, осмысление общечеловеческих инвариантов, которые по сути своей гуманны, оптимистичны, человечны в глубинных социокультурных и педагогических смыслах. Важно то, что «выбор» сознания становится для слушателя способом осуществления личной свободы. Свобода выбора порождает свободу совести, формирует активную эстетическую и гражданскую позиции слушателя. При этом фактором внутренней регуляции выступает совесть индивида, а фактором внешней регуляции – гуманистическая направленность общественных идеалов.

Выше были названы механизмы, регулирующие формирование социально определенного типа личности средствами музыки – популяризации, регламентации и запрета. Они выражают общественно предопределенную избирательность в организации взаимодействия общественного сознания с музыкой. Это значит, что музыка, предпочтительная с точки зрения ее нравственно-воспитательной направленности, используется более массированно и масштабно (популяризация), нежели та, влияние которой проблематично, или нежелательно (регламентация), или же недопустимо (запрет).

В зависимости от конкретных общественно-воспитательных установок, государственно, идеологически и культурно обусловленных, регулируется воздействие музыки на формирование общезначимых (для определенного времени) характеристик сознания, деятельности, направленности личности. Разумеется, вычленение определенного объема и качества музыкальной культуры (например, религиозно-христианской в эпоху средневековья или современной поп-культуры) не исчерпывает всего богатства и многообразия музыкальной жизни эпохи. Помимо социально запрограммированных, могут существовать и другие формы бытования музыки в

обществе (например, средневековый музыкальный фольклор наряду с культовой музыкальной культурой или современный музыкальный авангард – наряду с поп-музыкой).

Однако специфика задач по воспитанию человека, соответствующего своему времени и социальным целям конкретной общественной системы, воплощается именно в специально культивируемом типе личности как форме кристаллизации общественных отношений и представлений о должном в их социально ценном варианте.

Заметим, что механизмы популяризации, регламентации и запрета фактически регулируют уровни взаимодействия личности с музыкальным искусством и зачастую проявляются либо в сведении явлений более низкого уровня к более высокому, либо наоборот. Так, запреты средневековой церкви в отношении народного искусства предполагали обращение к высоким религиозным идеалам, запечатленным в культовой музыке, а запрет джаза и рок-музыки в СССР предполагал борьбу со «стилягами» и изживание этого типа личности из общественной жизни. Можно вспомнить также практику советских дискотек конца 70-х – начала 80-х годов и механизм регламентации в отношении западного рок-репертуара. Характерна в этом смысле и современная ситуация неумной популяризации поп-музыки, осуществляемая средствами массовой информации.

Идеологический плюрализм, психологизация общественной жизни на современном этапе привели, помимо прочего, к необходимости коммерчески упорядоченного воздействия на формирование социально определенного типа личности. В этой ситуации важнейшим средством формирования общественного сознания стала именно массовая культура, в частности, поп-музыка. Она существенно изменила реализацию воспитательной функции искусства, ориентируя его потребителей прежде всего на развлечение, возбуждение, а не на переживание и осмысление. Понятно, что в эту развлекательную оболочку вкладываются определенные идеи. Потребителю остается наслаждаться доступной и привлекательной оправой и впитывать популяризируемые идеи. В этой связи появился термин «потребительская музыка», указывающий на функцию потребления как важнейшую и определяющую утилитарную роль искусства, его направленность на «обслуживание клиента» (Т. Адорно).

«Атомарной единицей» потребительской музыки является шлягер – в достаточной степени эклектичная и безлико-«космополитичная» песня танцевального характера, в основе которой лежит текст любовного содержания» [2, с. 146]. Отличительными чертами шлягера являются примитивный текст, схематичность и предельная структурная простота, использование ритмических и мелодических штампов и др., а характерной

чертой поп-музыкантов – принципиальное нежелание получать специальное музыкальное образование [2, с. 170].

Формирование социально определенного типа личности всегда определялось правящими силами, преследующими определенную цель посредством выдвижения соответствующего ей идеала [1, с. 66–67]. Содержание этого идеала, как правило, составляла взаимосвязь инвариантных (общечеловеческих) характеристик и вариативных – социально, классово и т. д. обусловленных. Применительно к искусству основное значение имеют инвариантные, общечеловеческие характеристики. Именно они обуславливают ценность искусства для многих последующих поколений, несут основную нагрузку в передаче духовного опыта от поколения к поколению, выражают устремленность человечества к Истине, Добру и Красоте.

Подчеркнем, что специфика художественных образов музыки – их обобщенность и вместе с тем чувственная конкретность – еще более способствует передаче инвариантных общечеловеческих идей, нежели вариативных, классово обусловленных. Доказательство тому – громадная популярность музыки Вивальди и Баха, Моцарта и Бетховена, Брамса и Малера, Шостаковича и Шнитке. Несмотря на то что социально-психологическое в этой музыке выражено достаточно определенно (об этом, в частности, свидетельствуют глубокие стилевые различия музыки Баха и Моцарта, Баха и Бетховена, Моцарта и Брамса и т. д.), главное в ней – общечеловеческое – гуманистическая и культуросотворческая направленность. Именно общечеловеческое составляет ядро и смысл философско-мировоззренческого содержания музыки, которое в итоге определяется не столько правящими элитами, сколько личностями – художниками, творцами. Они и выступают в роли наших духовных Учителей.

Обобщим изложенное. Формирование социально определенного типа личности становится важным результатом ее взаимодействия с музыкой. Основным критерием, определяющим социальный тип личности, является ее отношение к культуре. Механизмами регуляции социально формирующего воздействия музыки являются механизмы популяризации, регламентации, и запрета. Их использование обеспечивает целенаправленность музыкальной жизни общества и музыкального образования по пути объединения людей и формирования их типизированных сообществ на основе единых музыкальных пристрастий и предпочтений.

Музыка формирует человека по образцу и подобию содержащихся в ней нравственных истин, разновидностей катарсиса, наконец, в соответствии с целостным нравственно-эстетическим идеалом времени. При этом оценочная деятельность сознания определяет свободный выбор человеком вариантов социально-психологического

проявления личности и наряду с этим – осмысление общечеловеческих инвариантов, которые по сути своей гуманны, оптимистичны, человечны в глубинных социокультурных и психологических смыслах.

Литература

1. Лихачев Б. Т. Цели воспитания личности // Сов. Педагогика. – 1991 – № 4. – С. 66–67.
2. Массовая культура: Уч. пос. / К. З. Акопян, А. В. Захаров, С. Я. Кагарлицкая и др. – М.: Альфа-М; ИНФРА-М, 2004. – С.146.
3. Швейцер А. Культура и этика. – М.: Прогресс, 1973. – С. 51 – 52.